

На правах рукописи

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТАМИНАНТОВ
В СИТУАЦИИ УЧЕБНОГО БИЛИНГВИЗМА

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2020

Работа выполнена на кафедре теории языка и перевода ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет».

Научный руководитель:

Золотова Наталья Октябровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и перевода, и.о. заведующего кафедрой теории языка и перевода ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет».

Официальные оппоненты:

Зубкова Ольга Станиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации ФБГОУ ВО «Курский государственный университет».

Саркисова Элина Владиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГКВООУ ВО Военной Академии воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова.

Ведущая организация:

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

Защита состоится 21 декабря 2020 г. в 12 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31.

Отзывы направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, учёному секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

П.Е. Карташова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию проблемы контаминированного слова с позиций психолингвистики. В современной лингвистике лексическая контаминация рассматривается как возникновение нового выражения или формы в результате «взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют схожие фрагменты в своей структуре и объединяются путём наложения» [Хрущёва 2010: 187]. Лексические единицы, образованные в результате контаминации, именуется в научной литературе по-разному: контаминанты, бленды, телескопы, слова-слитки и др. В нашем исследовании предпочтение отдаётся таким терминам, как «контаминант», «контаминированное слово», «контаминированное образование», «контаминированная лексема», «контаминированная единица», «инновационный бленд», которые используются в контексте данной работы как синонимы.

Проблеме феномена контаминации как принципа взаимодействия единиц языка на его разных уровнях посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей. Учёными обсуждается место контаминации среди сходных явлений, таких как словослияние, словосращение, блендинг и др. (Н.А. Лаврова, О.А. Хрущёва, Е.С. Кубрякова); содержание понятия с лингвокогнитивной точки зрения (О.А. Хрущёва, Т.Р. Тимошенко, А.Ю. Мурадян, G. Cannon, G.A. Bergstrom); принципы классификации видов контаминантов (Ю.А. Жлуктенко, В.И. Заботкина, S. Kemmer и др.).

Возрастание интереса отечественных и зарубежных учёных к изучению феномена контаминации во второй половине прошлого и начале нынешнего века связано с фактом активного использования контаминированных образований в разговорной речи, в языке газет, художественных произведений, Интернете, рекламе и многих других сферах жизнедеятельности современного человека. Наблюдаемые тенденции к интеграции слов и словосочетаний, очевидно, связаны со стремлением к экономии языковых усилий носителей языка, практически безграничным лингвокреативным потенциалом словообразования и усилением процессов заимствований из англоязычной культуры как следствия технологической революции и глобализации. Представляется, что контаминированное образование является, с одной стороны, отражением деривационного потенциала языка, а с другой, результатом активной речемыслительной деятельности человека.

Настоящая работа представляет собой психолингвистическое исследование, нацеленное на выявление специфики функционирования контаминанта в ментальном лексиконе индивида, изучающего английский язык как профильный предмет. Проблема доступа и идентификации лексических единиц комплексного типа при взаимодействии родного и изучаемого языков рассматривается на уровне

индивидуального сознания с акцентированием внимания на особенностях и закономерностях рассматриваемых процессов.

Таким образом, *актуальность* исследования обусловлена необходимостью изучения контаминированных лексических образований в ракурсе воспринимающего их носителя языка и культуры в условиях возрастания интенсивности межкультурного взаимодействия, в том числе и квазимежкультурного, в ситуации искусственного билингвизма.

Объектом исследования выступает процесс идентификации контаминированного образования носителями учебного билингвизма, *предметом* – особенности доступа к значениям контаминанта в ситуации учебного двуязычия.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики функционирования контаминированных образований в ментальном лексиконе индивида в условиях учебного двуязычия с последующим построением (на основе экспериментальных данных) модели процесса идентификации рассматриваемых образований носителями учебного русско-английского билингвизма.

В соответствии с общей целью работы в исследовании решаются следующие конкретные *задачи*:

1) систематизировать взгляды исследователей по проблеме контаминации в разных сферах гуманитарного знания;

2) описать природу контаминации как лингвистического и лингвокогнитивного феномена;

3) рассмотреть существующие в психолингвистике модели хранения и доступа к слову в ментальном лексиконе;

4) сформулировать рабочую гипотезу исследования;

5) организовать и провести экспериментальное исследование, нацеленное на обнаружение особенностей доступа к контаминированному слову учебными билингвами;

6) на основе количественного и качественного анализа языковых фактов, полученных от испытуемых – носителей учебного билингвизма на разных этапах экспериментального исследования, выявить и описать основные стратегии и опоры, используемые при доступе к контаминанту;

7) установить факторы, влияющие на выбор Ии. той или иной стратегии;

8) построить модель идентификации контаминированного образования индивидом в условиях учебного двуязычия.

В соответствии с целью и задачами работы наряду с общенаучными *методами* исследования использовались: методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, метод опросника (questionnaire), психолингвистический эксперимент с привлечением методик свободного ассоциирования и субъективного дефинирования, количественная и качественная обработка экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов всех этапов

экспериментов и обобщение теоретических и экспериментальных данных, метод моделирования.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных:

– в области изучения некоторых аспектов теории контаминации (G.A. Bergstrom, H. Marchand, J. Algeo, G. Cannon, Н.А. Лаврова, О.А. Хрущёва, А.Ю. Мурадян и др.);

– в области исследования лингвокогнитивной структуры контаминантов (Е.С. Кубрякова, Н.А. Лаврова, О.М. Корытова, Л.Г. Ефанова, Т.Р. Тимошенко и др.);

– в области психологии развития и психологии личности (Л.С. Выготский, Л.С. Рубинштейн, А.Г. Асмолов);

– в области исследования проблемы хранения и доступа к значению слова в ментальном лексиконе человека (H.R. Baayen, M. Taft, K.I. Forster, W.D. Marslen-Wilson, J.L. McClelland & J.L. Elman, M. Coltheart и др.).

Теоретическую основу исследования составили положения психолингвистической теории слова как достояния индивида, как средства доступа к единой информационной базе человека, разработанной А.А. Залевской [Залевская 2005]. Вслед за А.А. Залевской, под *идентификацией* понимается весь набор психических процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чём идет речь; готовность оперировать этим знанием с учётом разностороннего предшествующего опыта и эмоционально-оценочных нюансов, при постоянном взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [Залевская 1990, 1992, 1999].

В работе используются результаты исследований представителей Тверской психолингвистической школы и их последователей, посвящённые изучению механизмов идентификации слова на различном материале, в том числе с привлечением двуязычных индивидов (Т.Ю. Сазонова, И.Л. Медведева, И.В. Новикова, Ю.В. Федурко, С.И. Корниевская, В.М. Беляева, М.А. Жолтикова, М.С. Овчинникова).

На становление позиции автора также повлияли работы Н.О. Золотовой, связанные с изучением психолингвистической специфики единиц ядра ментального лексикона [Золотова 2005 и др.], а также некоторые положения психолингвистической концепции неологии С.И. Тогоевой [Тогоева 1989] и результаты исследования параметра новизны лексической единицы в индивидуальном сознании, представленные в работе Е.Н. Гришкиной [Гришкина 2017].

При формулировании гипотезы исследования автор опирается на теорию концептуальной интеграции и теорию ментальных пространств, лежащую в её основе [Fauconnier, Turner 2001].

Материалом исследования послужили данные серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие студенты 1–4 курсов факультета

иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский как первый иностранный язык, а также студенты 1 курса магистратуры того же направления. Всего получено и проанализировано 1207 реакций на 22 стимула от 143 испытуемых (далее – Ии.). В качестве стимулов предъявлялись англоязычные и русскоязычные контаминированные образования. Экспериментальный список на первом этапе исследования включал в себя данные словарей “The Official Dictionary of Unofficial English” [Barret 2006], “Oxford Learner’s Dictionaries” [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://)], “Collins English Dictionary” [Collins English Dictionary [http](http://)], а также контаминанты, отобранные методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, в том числе «Дар слова», «Неологизм года» и «Слово года» М.Н. Эпштейна [Эпштейн [http](http://)]. Слова предъявлялись Ии. в порядке убывания частоты их использования в различных контекстах. Частотность стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к поисковой системе Google при помощи платформы Google Trends [Google Trends [http](http://)], а также web-приложения Keyword Tool [Keyword Tool [http](http://)].

Стимульным материалом на втором этапе исследования послужили контаминанты разных лексико-грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы и наречия, отобранные методом сплошной выборки из исследования [Danks 2003], основу которого составляют 4 лингвистических корпуса (Independent Newspaper corpus; корпус блендов, включающий в себя данные словарей, слова из средств массовой информации и др.).

Бланки с инструкциями для Ии., принявших участие в двухэтапном эксперименте, представлены в Приложениях 1 и 2 диссертации.

Гипотеза исследования строится на предположении о том, что доступ к контаминанту в ментальном лексиконе, как правило, сопровождается процессом *дезинтеграции* «смешанного пространства», или *концептуальной дезинтеграцией* – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера [Fauconnier, Turner 2001]. Процесс идентификации контаминированного образования в этом случае сопровождается *ментальным реблендингом*, в результате которого образуется иное, индивидуальное / искажённое значение слова, которое, с одной стороны, наследует роли и свойства исходных ментальных пространств и, с другой стороны, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего контекста.

В результате проведённого исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие *теоретические положения*.

1. Специфической особенностью идентификации контаминанта при поэлементном / поморфемном доступе является стратегия восстановления слов-источников. При восприятии контаминанта как целостного образования, т.е. без предварительного доступа к элементам (цепочкам графем / морфемам), входящим в его состав, приоритетной опорой выступает графический облик слова.

2. Лексические характеристики контаминанта влияют на модель доступа к нему как единице ментального лексикона. Поэлементный доступ к значениям контаминированных образований обусловлен: а) его низкой частотностью по данным задействованных корпусов; б) мотивирующей морфемой, воспринимаемой Ии. как высокочастотная. При прямом (непосредственном) доступе к контаминанту как целостному образованию определяющим является: а) его высокая частотность; б) знакомость слова; в) ситуация, в которой мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, хорошо знакомым словом («графическим соседом»).

3. Выбор носителем языка той или иной идентификационной стратегии обусловлен рядом факторов, условно подразделяемых на две категории: а) факторы, связанные с лексическим статусом контаминанта, выраженностью его лексических характеристик, к которым относятся степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», влияние словообразовательных морфем; б) факторы, связанные с личностно-психологическими особенностями носителей учебного билингвизма, воспринимающими контаминант, такие как объём фоновых знаний, уровень лингвистической компетентности, степень социокультурной эрудиции.

4. При доступе к контаминанту происходит «расщепление» находящихся в состоянии слияния ментальных пространств, которое, как правило, сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новой лексической единицы с иным, индивидуальным / искажённым значением. Процесс «переосмысления» значения предлагается обозначить термином «ментальный реблендинг», подразумевающим вторичное объединение распавшихся ментальных пространств, что может рассматриваться как начало нового этапа концептуальной интеграции.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые осуществляется изучение специфики процесса идентификации лексического контаминанта в новом ракурсе «ментальных пространств» Ж. Фоконье и М. Тёрнера для объяснения механизма опознания лексических единиц такого типа.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в развитие психолингвистической концепции ментального лексикона, в частности, расширяет представления о способах опознания слова учебным билингвом. Полученные результаты дополняют научную картину лексического доступа при двуязычии. Описание механизма «расщепления» контаминанта и процесса реблендинга с опорой на экспериментальные данные обогащает теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера.

Практическая значимость результатов проведённого исследования обусловлена возможностью их использования для разработки путей оптимизации методов обучения английскому языку, в частности, формирования навыков сегментации слова при декодировании контаминанта, а также навыков «конструирования» гибридных слов для осознания креативного потенциала изучаемого языка. Результаты исследования могут быть использованы в спецкурсах

и курсах лекций по проблемам психолингвистики, психолингводидактики, теории учебного двуязычия.

Основные положения исследования прошли *апробацию* в виде докладов на международных и научно-практических конференциях: X Международная научно-практическая конференция, посвящённая проблемам языковой коммуникации (Уфа, май 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Языковой дискурс в социальной практике» (Тверь, 29-30 марта 2019 г.) с последующей публикацией материалов, а также на заседаниях кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета. По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей общим объёмом 3.1. п.л., 3 из которых – в изданиях, включённых в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы (140 источников на русском и английском языках) и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* определяются объект и предмет исследования, обосновываются его теоретическая и практическая значимость, актуальность и научная новизна, формулируются цель и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Контаминация: природа феномена и подходы к его изучению» обсуждаются трактовки понятия *контаминация* в отечественной и зарубежной традициях, в частности, раскрывается суть широкого и узкого подходов к определению данного феномена. Уделяется внимание описанию специфики контаминации, отличающей это явление от других видов взаимодействия языковых единиц. Здесь же проводится обзор существующих научных подходов к исследованию контаминации (лингвистического и лингвокогнитивного). Отдельный параграф посвящён обсуждению психолингвистического подхода к проблемам хранения, доступа, выбора и извлечения из ментального лексикона значений морфологически сложных слов, к которым можно отнести и лексические контаминанты.

Первые попытки изучения контаминации были предприняты в конце XIX зарубежными лингвистами Г. Паулем (1880), Г. Суитом (1892), Дж. Бергстремом (1906) и др. Учёные предполагали, что подобное стяжение (*blending or contamination*) может быть результатом слияния любых частей исходных слов, а также синтаксических конструкций, считая, что достаточно большую роль в процессе образования контаминантов играет семантическое подобие исходных компонентов. Однако необходимо отметить, что контаминация как способ

словообразования существовала гораздо раньше, чем начала изучаться проблема семантики, структуры и статуса контаминированных единиц. Случаи использования контаминации можно было обнаружить ещё в драмах, написанных на санскрите, в древнеримских и древнегреческих классических произведениях, в тексте Нового Завета, в английской поэзии Средневековья, а также в литературе эпохи Возрождения.

Отечественные исследователи обращаются к изучению проблемы контаминации во второй половине XX века в связи с ростом интереса к новым данным об изменениях словарного состава языка, в частности, обогащении за счёт малопродуктивных словообразовательных моделей, среди которых особое место занимала контаминация. В центре внимания учёных оказались вопросы, связанные с определением места данного языкового явления в словообразовательной системе языка, терминологией, используемой для обозначения единиц, образованных путём сокращения исходных слов, а также морфологическим статусом составляющих их сегментных компонентов.

Процесс образования контаминантов, так же как и природа контаминации, трактуются в научной литературе по-разному. Это находит отражение в терминах, обозначающих обсуждаемое явление: словосращение, стяжение, слияние, вставочное словообразование, телескопия, гибридизация, *blending*, *contamination*, *fusion*, *conflation* и др. В результате анализа отечественных и зарубежных исследований, так или иначе связанных с проблемой контаминированных единиц, мы пришли к выводу, что попытки строго дифференцировать случаи контаминации на логико-рационалистических основаниях связаны с метаязыковой деятельностью исследователя-лингвиста, понимающего контаминант как феномен языковой системы. Рассматривая сущность изучаемого явления с точки зрения разных подходов, мы обнаружили, что лингвисты отдают предпочтение терминам «контаминация», «телескопия», «стяжение» и др. как, прежде всего, окказиональным способам словообразования, в то время как представители когнитивно-коммуникативного подхода – термину «блендинг» как факту креативного мышления с установкой на самореализацию личности.

В некоторых исследованиях предлагается разграничивать широкое и узкое («более строгое») понимание термина «контаминация». При широком подходе данное понятие может быть использовано для описания явлений как словообразовательного, так и семантического и синтаксического уровней. Узкий подход предполагает, что контаминант должен состоять исключительно из словообразовательных осколков; при этом под словообразовательным осколком понимается произвольно выделенная часть слова, не являющаяся самостоятельным формантом и совпадающая либо со слогом, либо со структурными элементами слога.

Отсутствие чётких критериев отнесения лексем к контаминированным словам привело к противоречивому толкованию отечественными учёными вопроса

о месте и статусе контаминации в словообразовательной системе современного английского языка. Вплоть до середины прошлого века лингвисты не рассматривали лексическую контаминацию как особый способ словообразования и указывали на пограничный характер данного языкового явления относительно других способов образования новых слов. Такие исследователи, как И.М. Берман (1959), Н.М. Шанский (1969), Е.И. Чаадаевская (1961) и др. полагали, что контаминация могла лишь тяготеть к одному из словообразовательных процессов, таких как аббревиация, словосложение или аффиксация, проявляя тенденции к отождествлению указанного феномена с одним или другим типом словообразования [Жлуктенко 1983]. Однако, несмотря на схожие структурные показатели, контаминация представляет собой самостоятельную модель образования новых слов, не сводимую к смежным словообразовательным явлениям, таким как словосложение, аббревиация и аффиксация ввиду своих специфических черт, а именно: степени усечённости компонентов, числа исходных фрагментов, порядка следования и сочетаемости элементов в производной единице, семантической прозрачности единиц, особенностей соединения компонентов на стыке и др.

Особое внимание в работе уделяется изучению феномена контаминации с позиции лингвокогнитивного подхода. В рамках данной концепции образование контаминированных лексических единиц есть результат сложного когнитивного процесса интеграции концептов (*conceptual blending*), механизм которого был подробно описан Ж. Фоконье и М. Тёрнером [Fauconnier, Turner 2001]. В результате слияния двух (а иногда и более) исходных ментальных пространств (*Input Spaces*) формируется новое ментальное пространство – бленд (*Blended Space*). При этом бленд не выводится напрямую из всех составляющих исходных пространств, а заимствует только часть их структуры и образуется для понимания конкретной ситуации или контекста. В процессе когнитивной операции могут выделяться «неожиданные» элементы, которые не будут мотивированы ни одним из исходных пространств, но будут дополнять и конкретизировать значение бленда. Иначе говоря, значение бленда всегда динамическое, подвижное и часто непредсказуемое. Данный факт позволяет говорить о том, что семантика большинства лексических блендов есть отражение лингвокреативного мышления носителей языка и культуры.

Контаминанты представляют собой особую область исследования, интерес к которой обусловлен трудностью их идентификации в силу того, что они не являются общеупотребительными единицами, соответственно, не относятся к пласту высокочастотной лексики и воспринимаются индивидами как новые. Проблема опознания контаминированного образования связана с представлениями о хранении значений названных лексических единиц в ментальном лексиконе и доступе к ним. Контаминанты являются многокомпонентными образованиями, включающими в себя несколько элементов, поэтому правомерным считается

отнесение данных лексем к морфологически сложным словам. Представляется, что репрезентация контаминанта в лексиконе должна быть сходна репрезентации других морфологически сложных слов.

Опираясь на исследование [Taft 2014], можно сказать, что контаминантам соответствуют сложные репрезентации, т.е. в лексиконе представлены как отдельные морфемы (например, *definitionalary* < *define* + *dictionary*), так и смысловые и структурные связи между ними. В соответствии с данными особенностями и происходит идентификация таких единиц: в процессе идентификации осуществляется доступ к морфемам, составляющим контаминированное образование. Предполагается, что носители языка обладают знанием морфологических правил, которые они стратегически используют в процессе идентификации морфологически сложных слов.

Противоположная точка зрения представлена в исследовании [Ваауен 2002], где выдвигается идея о том, что морфологически сложные слова могут храниться в лексиконе независимо от базовых форм, от которых они были образованы. Соответственно, доступ к ним может осуществляться непосредственно, без предварительного доступа к морфемам, входящим в их состав. В работе [Штерн 1992] установлено, что признаки целостности у слов свидетельствуют о том, что слова могут восприниматься в сознании человека как гештальты. Автор объясняет данный языковой факт хранящимися в памяти перцептивными эталонами слов.

Аналогичный взгляд на изучение проблемы доступа к слову в ментальном лексиконе представлен в книге [Филд 2012], где описываются модели последовательного и альтернативного (параллельного) доступа, предложенные К. Форстером. Согласно первой модели, хранящиеся слова обрабатываются поочерёдно (одно за другим) до тех пор, «пока для слышимого или читаемого слова не будет найдено соответствие» [Филд 2012: 70]. В ходе поиска границы сужаются и сводятся к подгруппе слов в лексиконе. Все слова группируются на основе сходства форм и модальности по «ячейкам», внутри которых и осуществляется доступ к тому или иному слову. При этом считается, что на расположение слов в ментальном лексиконе и на время, затраченное на выбор нужного значения, влияет не только сходство форм слов, но и частотность: известно, что высокочастотные слова распознаются быстрее, чем низкочастотные, так как, считается, что в ячейке они расположены «выше».

Что касается модели альтернативного доступа, предполагается, что он осуществляется параллельно: в ходе поиска из лексикона извлекается большое количество похожих слов, которые одновременно сопоставляются с читаемым или слышимым словом. При этом слова находятся в состоянии конкуренции друг с другом, которую описывают как активацию лексических единиц. При восприятии цепочки букв или звуков начинается поиск возможных соответствий в лексиконе. Важно отметить, что единицы лексикона активируются в разной степени.

Например, активация слова усиливается, если оно является высокочастотным, а также имеет меньше слов-конкурентов, и наоборот.

Для того, чтобы выяснить, каким образом осуществляется доступ к контаминированному слову в ментальном лексиконе и какие факторы влияют на выбор того или иного значения в условиях отсутствия контекста, нами был проведён психолингвистический эксперимент.

Глава 2 «Экспериментальное исследование особенностей идентификации контаминированных образований в ментальном лексиконе» посвящена обсуждению вопросов организации и результатов эксперимента с испытуемыми – носителями русско-английского билингвизма, проведённого с целью выявления особенностей идентификации контаминированных образований в ментальном лексиконе и установления факторов, влияющих на выбор стратегий, используемых Ии. при доступе к единицам такого рода. Материалом исследования послужили данные серии психолингвистических экспериментов, в которых приняли участие студенты 1–4 курсов факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский язык в качестве специальности по направлению «Лингвистика», а также студенты 1 курса магистратуры того же направления, обучающиеся по программам «Теория обучения иностранным языкам и межкультурная коммуникация» и «Управление международными проектами». Всего получено и проанализировано 1207 реакций на 22 стимула от 143 испытуемых.

Экспериментальное исследование проводилось в два этапа. Общее число испытуемых (далее Ии.), принявших участие в эксперименте № 1 (далее Э1) составило 30 человек, в эксперименте № 2 (далее Э2) – 113 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами англоязычной культуры. Во время Э1 и Э2 Ии. были разделены на две условные группы. В Э1 первой группе было дано задание записать ассоциации к словам-стимулам без ограничения на выбор языка и количество реакций, а второй было предложено объяснить значение каждого стимула. В Э2 первой группе нужно было дать толкование словам-стимулам, а второй – записать, из каких слов (частей слов) могли состоять предъявленные многокомпонентные единицы. Кроме того, все Ии. должны были пояснить, является тот или иной стимул известным (поставить "+") или нет (поставить "-"), и в случае знакомости слова указать, в каких областях оно могло им встречаться.

Экспериментальный список на первом этапе исследования включал в себя 12 англоязычных и русскоязычных контаминантов, разделённых на три категории. Первую категорию стимулов составили следующие лексические единицы: BRANGELINA (*Brad + Angelina*), представленный в “Oxford Learner’s Dictionaries” [Oxford Learner’s Dictionaries [http](http://)], CHILLAX (*chill + relax*) – в “Collins English Dictionary” [Collins English Dictionary [http](http://)], а также THRILLIONAIRE (*thrill + millionaire*) и CATASTROIKA (*catastrophe + perestroika*) – в англоязычном словаре

“The Official Dictionary of Unofficial English” [Barret 2006]. Вторая категория включала в себя недавние транслитерированные англоязычные заимствования в русском языке, сохранившие форму: БРАНЧ (англ. *brunch* < *breakfast* + *lunch*), БРЕКСИТ (англ. *Brexit* < *British* + *exit*), ДЖЕГГИНСЫ (англ. *jeggings* < *jeans* + *leggings*) и ФАБЛЕТ (англ. *phablet* < *phone* + *tablet*). Третья группа была представлена русскоязычными единицами, такими как ЖРИТЕЛЬ < *жрать* + *зритель*; ФИЛОЛУХ < *филолог* + *олух*; ПЕРМЬЗАН < *Пермь* + *пармезан*; дивчайна < *девушка* + *China*, отобранными методом сплошной выборки из Интернет-ресурсов, в том числе «Дар слова», «Неологизм года» и «Слово года» М.Н. Эпштейна [Эпштейн [http](http://)].

Слова каждой категории стимулов предъявлялись Ии. в порядке убывания частоты их использования в различных контекстах соответственно. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что контаминанты обладают статусом единиц периферийных слоёв ментального лексикона, поэтому в частотных словарях они не зарегистрированы. В этой связи нами были использованы данные словаря “The Official Dictionary of Unofficial English” [Barret 2006], в содержание которого входит не только значение контаминированного образования, но и частота встречаемости слова в разных контекстах с указанием даты, источника и автора публикации. Кроме того, частотность предъявленных в эксперименте стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к поисковой системе Google при помощи платформы Google Trends [Google Trends [http](http://)] и web-приложения Keyword Tool [Keyword Tool [http](http://)]. На данном этапе важно было выяснить, влиял ли данный критерий на процесс опознания и извлечения контаминантов из ментального лексикона индивидов.

Второй этап психолингвистического эксперимента был проведён с целью уточнения и дополнения данных, полученных в результате Э1. В качестве стимульного материала выступили 10 англоязычных контаминированных образований, условно разделённых на 4 лексико-грамматические группы: а) существительные (AMEXICA < *America* + *Mexico*; KIDULT < *kid* + *adult*; MAGALOGUE < *magazine* + *catalogue*); б) прилагательные (JAPANEASY < *Japan* + *easy*; SCARIFYING < *scare* + *terrifying*; FANOMENAL < *fan* + *phenomenal*); в) глаголы (RECOMMEMBER < *recommend* + *remember*; JAZZERCISE < *jazz* + *exercise*; POLITICIDE < *politician* + *suicide*); г) наречия (TWOGETHER < *two* + *together*). Слова были отобраны методом сплошной выборки из исследования [Danks 2003], основу которого составляют 4 лингвистических корпуса (Independent Newspaper corpus; корпус блендов, включающий в себя данные словарей, слова из средств массовой информации и др.). Основной целью на этом этапе было проследить влияние частотности морфемы на процесс идентификации изучаемых единиц.

Отбор экспериментального материала (как англоязычного, так и русскоязычного) был обусловлен спецификой учебного двуязычия,

характеризующегося попеременным функционированием двух или более языковых систем в сознании билингва и выражающегося в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Представим общее количество испытуемых, стимулов, полученных ответов от Ии. и отказов от реакций в сводной табл. 1.

Таблица 1. Количественные данные проведённых экспериментов

Номер эксперимента	Этап обучения	Количество Ии.	Количество стимулов	Количество ответов	Количество отказов
№ 1 (2018)	студенты 1 курса магистратуры	30	12	381	34
№ 2 (2019)	студенты 1-4 курсов бакалавриата	113	10	826	304
Общее количество		143	22	1207	338

В результате анализа полученного от испытуемых языкового материала было установлено, что при идентификации контаминированного слова носители языка прибегают к двум основным видам стратегий: 1) стратегии восстановления значений слов-источников, т.е. поэлементного / поморфемного анализа; 2) стратегии восприятия контаминанта как целостного образования, т.е. без предварительного доступа к элементам, входящим в его состав. Так, в нашем исследовании поэлементному анализу подверглось 69,1% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 9%. То, какой именно способ был задействован в каждом конкретном случае, зависело, в первую очередь, от степени знакомости / известности единицы для индивида и её субъективной частотности. Субъективно высокочастотные контаминанты воспринимались Ии., предположительно, как неделимое целое (например, БРАНЧ < *перекус*; ЖРИТЕЛЬ < *старейшина*; CHILLAX < *отдых; расслабляться; релаксировать*), подобно мономорфемным словам, где связь между значениями слов-источников и контаминированным образованием была утрачена. При этом интерпретация Ии. могла часто не совпадать с содержанием, изначально заложенным в контаминант. В подобных случаях стимулы, очевидно, были соотнесены с графически и / или фонетически похожими словами, являющимися наиболее частотными для Ии. (например, BRANGELINA < *женское имя; балерина; имя героини романа*; ФАБЛЕТ < *сайт; шоколадка*). В некоторых случаях стимул и вовсе не был воспринят как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона. Например, стимул БРАНЧ был опознан как одно из

значений английского слова «branch», о чём свидетельствуют полученные на него ответы: *ветвь; ответвление; раздел; подразделение; ветка от основного направления.*

С другой стороны, неизвестные / малоизвестные слова, скорее всего, обрабатывались через составляющие их морфемы, так как репрезентация целого слова, которая могла бы быть активирована, отсутствовала. Так, субъективно низкочастотные контаминанты конструировались из репрезентаций слов-источников, которые могли соотноситься со знакомыми элементами родного и / или изучаемого языка (например, MAGALOGUE < *что-то связанное с монологом и диалогом*; SCARIFYING < *something scary but gratifying; гибрид слов scary и horrifying, что-то очень страшное*; БРЕКСИТ < *break + seat; место для отдыха в офисе; место для отдыха*). При этом необходимо отметить, что граница, по которой происходил «разрыв» образования, часто не совпадала с «морфемным швом» контаминанта как лексической единицы языковой системы, что свидетельствует о субъективном характере восприятия подобного рода слов.

Важно отметить, что идентификация контаминантов в значительной мере зависела от степени усечённости компонентов слова. Понимание единиц с низкой степенью сокращения было связано с меньшими умственными затратами, чем понимание слов с высокой степенью сокращения. Полная форма слова-источника не всегда могла быть восстановлена из части, входящей в состав контаминанта, ввиду высокой степени усечённости хотя бы одного из компонентов и, соответственно, невозможности его распознавания (например, БРЕКСИТ < *имя; человек*; CHILLAX < *что-то холодное; охлаждение; что-то связанное со словом chill, возможно, холод*; CATASTROIKA < *стройка; строительство*; RECOMMEMBER < *member*; POLITICIDE < *politics*). В таких случаях соответствующая ментальная репрезентация не была активирована, поэтому предложенная Ии. интерпретация могла часто не совпадать с содержанием, изначально заложенным в контаминант.

Обобщая результаты качественного анализа экспериментальных данных, полученных в ходе Э1 и Э2, мы можем сделать вывод, что при предъявлении стимулов изолированно (вне контекста) основными опорами для Ии. при доступе к контаминированному образованию в процессе идентификации являются:

1) опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции): BRANGELINA < *союз Брэда Питта и Анджелины Джоли*; THRILLIONAIRE < *человек, у которого дух захватывает*; CATASTROIKA < *стройка котов*; MAGALOGUE < *большой монолог*;

2) опора на фонетический образ (фонетические реакции, созвучные с исходным словом) с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) сходство по начальному элементу: БРЕКСИТ < *похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем*; THRILLIONAIRE <

thriller – a man who scares people; триллер; POLITICIDE < politic; JAPANEASY < Japan;

б) сходство по конечному элементу: CATASTROИКА < *стройка; лошади; ПЕРМЬЗАН < порода птицы; RECOMMEMBER < member; AMEXICA < население, живущее в Мексике; MAGALOGUE < catalogue;*

3) опора на морфологические компоненты слова с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) опознание мотивирующих элементов слова: БРЕКСИТ < *место для отдыха в офисе; место для отдыха; БРАНЧ < breakfast + lunch; приём пищи между завтраком и обедом; ФАБЛЕТ < маленькая фабула; fabulous + outlet; TWOGETHER < отношения двух людей; POLITICIDE < политическое самоубийство;*

б) опознание словообразовательной модели стимула (мотивация суффиксом): SCARIFYING < *scare + terrifying; scary + satisfying; FANOMENAL < fan + phenomenal; может быть, связано со словом fan и феноменальный;*

4) опора на возникающее у Ии. ощущение сходства слова-стимула с другими единицами языка (так называемые «графические соседи»): БРАНЧ < *подразделение; отдел; ответвление; раздел; ветвь; MAGALOGUE < MAGA (Make America Great Again) + monologue; FANOMENAL < феноменальный;*

5) опора на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента: ФИЛОЛУХ < *филолог-неудачник; филолог-растяпа; лентяй; KIDULT < наивный и безответственный взрослый человек, не желающий взрослеть; используется по отношению к взрослым, которые ведут себя как дети (инфантильные);*

б) опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим социальным опытом: БРЕКСИТ < *выход Великобритании из ЕС; БРАНЧ < приём в высшем обществе, Верхний Ист-Сайд; ФАБЛЕТ < таблет; телефон; смартфон; ПЕРМЬЗАН < что-то связанное с Пермью, может, сыр, который стали там делать после санкций; AMEXICA < слово связано с недавними политическими событиями, а именно попыткой постройки стены между двумя государствами; TWOGETHER < *видела сокращение 2together.**

Анализируя возможности выбора опоры, мы пришли к выводу, что опорными элементами идентификации стимулов могли служить различные компоненты слова, как значимые (морфологические компоненты), так и простые цепочки графем и / или фонем, находящиеся в начале, середине и в конце слова. При этом во многих случаях использование мотивирующих элементов носило комбинаторный характер, что обеспечивало более успешный доступ к слову. В некоторых примерах идентификация слов-стимулов могла привести к актуализации фоновых знаний (например, ПЕРМЬЗАН < *что-то связанное с Пермью, может, сыр, который стали там делать после санкций*). Это подтверждает идею о том, что

«при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта» [Залевская 2013: 195]. Стоит отметить, что если стимул казался Ии. незнакомым по причине отсутствия или неполноты фоновых знаний и / или недостаточной лингвистической подготовки, большое значение имел принцип опоры на родной язык. Иначе говоря, степень влияния родного языка и культуры находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами. Рассмотрим в качестве примера некоторые ответы Ии., полученные на стимул CATASTROIKA. Заслуживает внимания реакция одного И. – *что-то связанное с подсчётами, точными науками*, мотивированная конечным элементом – *-troika* (рус. *тройка*). Этот же элемент, переосмысленный как «упряжка в три лошади», побудил ещё одного И. отреагировать ассоциатом – *лошади*, что явно обусловлено его культурной принадлежностью, осведомлённостью о реалиях родной культуры. Ассоциация – *стройка котов* является результатом поочерёдного доступа сначала к начальному компоненту стимула – *cata-*, а потом конечному – *-stroika*, которая, к тому же, отражает способности И. к языковой игре.

С другой стороны, контаминанты, воспринимаемые Ии. как «знакомые / известные», а также контаминанты с низкой степенью усечённости компонентов распознавались без особых затруднений в соответствии со значением, изначально заложенным в слове. Особый интерес представляют примеры идентификации контаминанта Ии., характер которой прямо не соотносился с уровнем их лингвистической подготовки. Ожидалось, что студенты магистратуры не будут испытывать трудностей при опознании стимула БРЕКСИТ. Однако, судя по ответам большинства Ии., они были «дезориентированы» сформировавшимися к этому этапу обучения навыками лингвистического анализа, который был применен ими в отношении стимула. Так, реакции *break + seat; место для отдыха в офисе; место для отдыха* были мотивированы начальным фрагментом слова – *Брек-* и конечным – *-сит*. Предположительно, в результате доступа к начальному элементу стимула у Ии. было актуализировано значение его «фонетического соседа» – *break* (в значении ‘перерыв / перемена’), являющееся наиболее частотным для них. В процессе перебора возможных «кандидатов» на роль ассоциата для конечного компонента стимула Ии. получили доступ к английскому слову – *seat* (в значении ‘место’), имеющему схожую фонетическую форму.

Реакции других Ии. – *выход Великобритании из ЕС; выход Британии из Евросоюза; отделение страны, ранее входящей в федерацию; что-то связанное с бизнесом; что-то связанное с политикой; финансы* (с сохранением знаков в ответах Ии.) свидетельствуют об успешности опознания контаминанта, обозначающего известную процедуру выхода Великобритании из Европейского союза, инициированную в 2017 году.

В связи с этим мы полагаем, что результаты идентификации контаминанта в целом коррелируют с уровнем лингвистической компетентности (уровнем

владения иностранным языком), который формально соотносится с этапом обучения. Однако часто успешность идентификации, т.е. опознание значения контаминанта, принятое в социуме, в большей степени зависит от развитости социокультурной эрудиции индивида, его осведомлённости в политических и культурных событиях, происходящих в современном мире.

Таким образом, процесс идентификации контаминированного слова в силу специфики учебного двуязычия находится под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, которые в целом уравнивают друг друга. В результате их воздействия актуализируются («высвечиваются») все возможные элементы слова, которые могут послужить опорами при его идентификации. Обработка лексемы и неосознаваемый анализ возможных опор идентификации приводит к выделению основного опорного элемента / элементов, что обеспечивает репрезентацию доступа к стимулу в ментальном лексиконе (к целому слову или к отдельным его морфемам). Это ведёт к извлечению всей имеющейся информации о слове, т.е. его идентификации.

Результаты, полученные в ходе количественного и качественного анализа экспериментального материала, подтверждают гипотезу о том, что доступ к контаминанту в ментальном лексиконе, как правило, сопровождается процессом *дезинтеграции* «смешанного пространства», или *концептуальной дезинтеграцией* – процессом, обратным концептуальной интеграции в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера. Схематично процесс идентификации («распаковывания») контаминированного слова можно изобразить на примере англоязычного стимула THRILLIONAIRE следующим образом (см. рис. 1).

Как видно, под влиянием индивидуального опыта индивидов, а также степени выраженности лексических свойств контаминанта произошла «фильтрация», переразложение морфемного материала внутри слова, которое в итоге привело к новому членению лексической единицы. Качественный анализ экспериментальных данных позволил нам определить границу «расчленения» контаминированного образования. В данном случае морфемный шов прошёл между начальным неусечённым фрагментом – *thrill*- и конечным усечённым – *-ionaire*, которые, в свою очередь, запустили процесс поиска значения слова в ментальном лексиконе индивидов, активировав в их памяти все слова, начинающиеся и заканчивающиеся таким же образом. На основе ответов, полученных от Ии., нами были выделены следующие промежуточные элементы ассоциативного процесса, которые выступили опорой при распознавании стимула: «триллер», «страх», «триллион», а также формальный показатель слов французского происхождения – *-ionaire*, обозначающий деятеля. В процессе перебора возможных «кандидатов», находящихся в состоянии конкуренции друг с другом, происходило объединение более значимых для Ии. элементов слова, что приводило к актуализации новых, субъективных значений, наиболее близких стимулу. При этом значение некоторых из этих единиц часто оказывалось далёким от первоначального значения

контаминанта. В зависимости от того, какие компоненты слова (начальный, конечный или оба) стали для Ии. определяющими (мотивирующими), мы распределили полученные реакции по трём тематическим группам: «богатый человек», «человек, переживающий сильную эмоцию (страх)» и «человек, который предпочитает / не предпочитает триллер» (курсивом выделены примеры реакций).

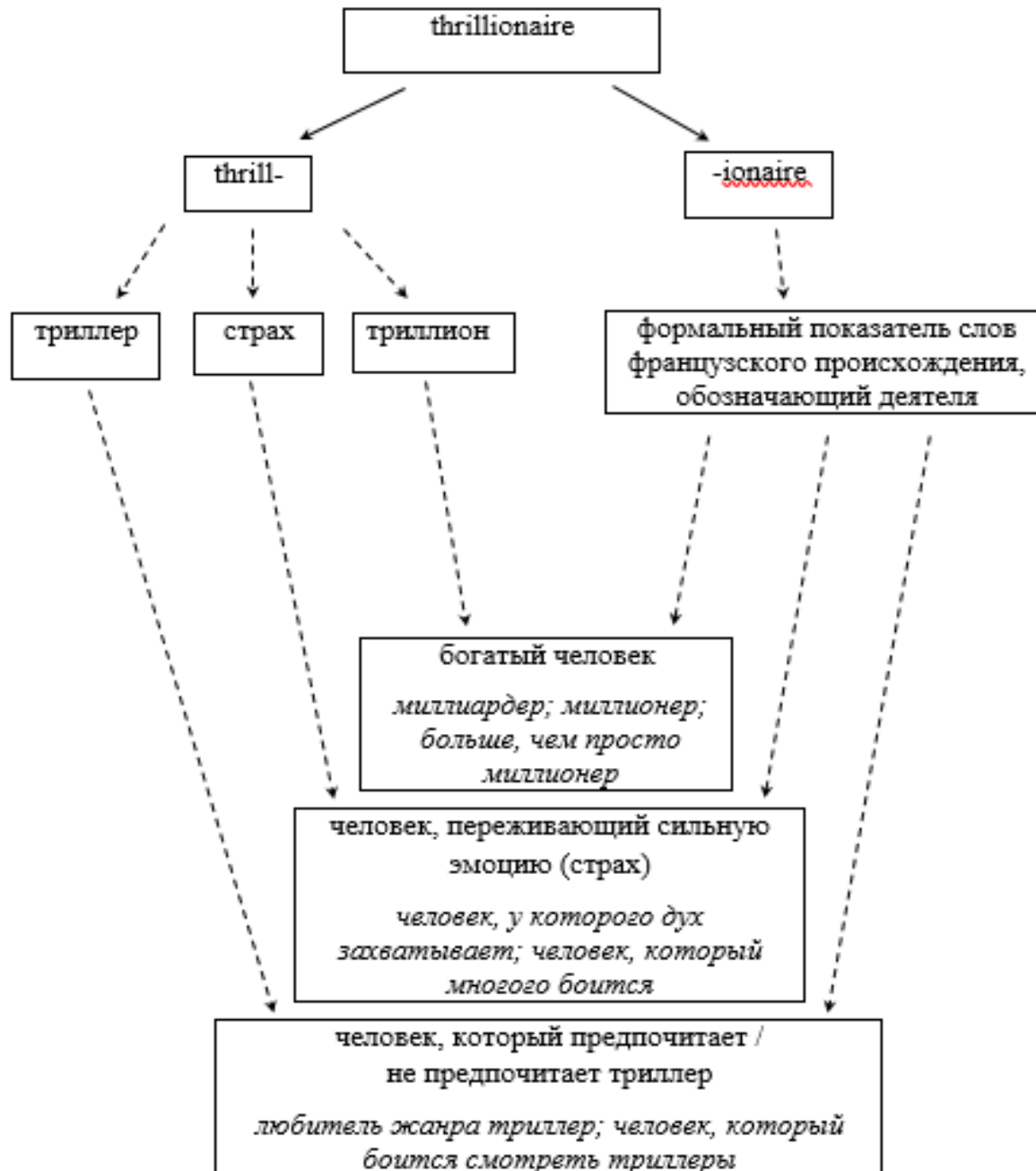

Рис. 1. Процесс идентификации контаминированного образования в сознании индивидов на примере англоязычного стимула 'thrillionaire'

Это даёт основания охарактеризовать процесс извлечения из ментального лексикона подходящего значения контаминанта как процесс, обратный блендингу в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера, который, в свою очередь, предлагается рассматривать как процесс *концептуальной дезинтеграции*. При «распаковывании» контаминированного образования происходит «расщепление» находящихся в состоянии слияния ментальных пространств, которое, как правило, сопровождается семантическим сдвигом, приводящим к образованию новой лексической единицы с иным, индивидуальным / искажённым значением. С одной стороны, это понятие наследует роли и свойства исходных ментальных пространств, а с другой, приобретает собственную структуру, новые оттенки и смысловые нюансы под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста. Таким образом, вслед за А.А. Залевской, мы считаем, что конечным продуктом процесса идентификации является «субъективное переживание значения того, о чём идёт речь, во всём богатстве его качеств и связей и с учётом эмоционально-оценочных нюансов (при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося прямой вербализации и т.д.)» [Залевская 1993: 8].

Следовательно, восприятие контаминированного образования – это не столько познавательный, сколько распознавательный процесс, результатом которого становится новая интерпретация уже существующих в языке явлений. Представляется, что описанный процесс «переосмысления» значения контаминанта рядовым носителем языка и культуры можно обозначить термином «*ментальный реблендинг*», подразумевающий объединение вновь распавшихся ментальных пространств. При моделировании процесса идентификации контаминированного слова возможно условное разграничение стадий: доступ к слову – концептуальная дезинтеграция – реблендинг, сопровождающийся семантическим сдвигом – идентификация слова.

Тот же процесс идентификации контаминированного образования может быть представлен в координатах, предложенных Ж. Фоконье и М. Тёрнером, но для иллюстрации обратного процесса – процесса концептуальной дезинтеграции (см. рис. 2).

Окружности на схеме представляют собой четыре основных ментальных пространства: смешанное пространство (*Blended Space*), выводные пространства (*Output Space 1, Output Space 2*) и новое (сгенерированное) пространство (*Generated Space*). Точки отображают содержание каждой сферы, при этом чёрные точки – это исходный материал, а белые – новые специфические элементы, которых не было в бленде. Пунктирные линии символизируют концептуальные проекции из одних ментальных пространств в другие, а сплошные – прямые связи между выводными пространствами, которые создаются на базе сходства их отдельных элементов.

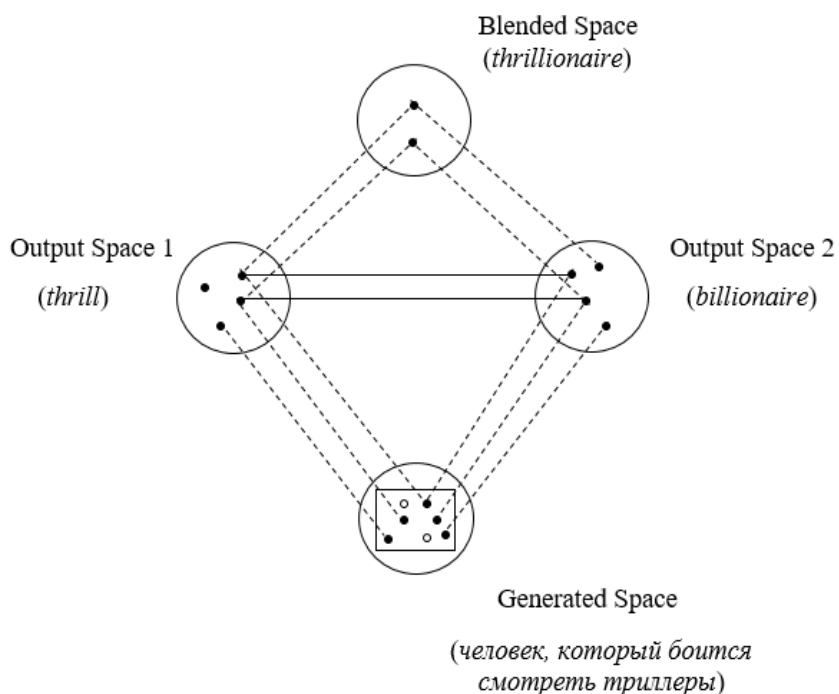

Рис. 2. Иллюстрация процесса концептуальной дезинтеграции на примере англоязычного стимула ‘*thrillionaire*’

Каждое сгенерированное пространство содержит в себе элементы, по меньшей мере, двух выводных ментальных пространств, которые, в свою очередь, образуются в результате «расщепления» бленда. Новое ментальное пространство не выводится напрямую из всех составляющих выводных пространств. Оно заимствует из них часть структуры и в то же время приобретает свои уникальные черты за счёт его пополнения фоновыми знаниями, культурными и когнитивными моделями. Продуктом сгенерированного ментального пространства становятся различные по своей сути интерпретации одного и того же бленда, что обусловлено доминированием определённых элементов в том или ином выводном ментальном пространстве, а также дополнительными элементами, появившимися уже внутри нового ментального пространства.

Всё же стоит отметить, что контаминант может миновать стадию «распада» на составляющие элементы, изначально заложенные в слове, если такая лексема является для носителя языка субъективно частотной и переживается им как знакомая. В этом случае она будет восприниматься индивидом как целостная единица.

Анализ литературы по проблемам идентификации слова и моделям доступа к слову в ментальном лексиконе, а также результаты проведённого экспериментального исследования позволяют нам построить последовательную модель процесса идентификации контаминированного слова, которая может пойти

двумя путями: через восприятие контаминанта как целостного образования (когда слово ранее встречалось Ии. в различных контекстах и переживается как знакомое, в нашем эксперименте, например, CHILLAX, БРАНЧ, БРЕКСИТ, ДЖЕГГИНСЫ, ФИЛОЛУХ) или через идентификацию отдельных составляющих (если слово воспринимается Ии. как незнакомое или плохо знакомое, например, CATASTROIKA, RECOMMEMBER, FANOMENAL) (см. рис. 3).

В *заключении* подводятся итоги экспериментального исследования идентификации контаминированного слова в ситуации учебного билингвизма, предлагаются общие выводы, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Основные положения работы отражены в следующих *публикациях*:

Публикации в рецензируемых изданиях

1. Золотова Н.О., Карцова М.А. Контаминация: природа феномена и подходы к его изучению // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2017. – №4. – С. 22–27.
2. Карцова М.А. Идентификация контаминированных образований искусственными билингвами: фрагмент экспериментального исследования // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2018. – №4. – С. 233–238.
3. Карцова М.А. Особенности доступа к контаминированным образованиям в ментальном лексиконе: количественный и качественный анализ результатов предварительного эксперимента // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2019. – №2 (61). – С. 238–244.

Другие публикации

4. Карцова М.А. Блендинг как факт креативного мышления человека // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. – Вып. 16. – С. 41–46.
5. Карцова М.А. Контаминация как языковой феномен и термин, его обозначающий // Теория и практика языковой коммуникации : материалы X Международной научно-методической конференции / под редакцией Т.М. Рогожниковой. – Уфа: РИК УГАТУ, 2018. – С. 151–156.
6. Карцова М.А. Идентификация контаминированных образований как процесс концептуальной дезинтеграции // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. Международной научно-практической конференции 29-30 марта 2019 года. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – С. 130–135.

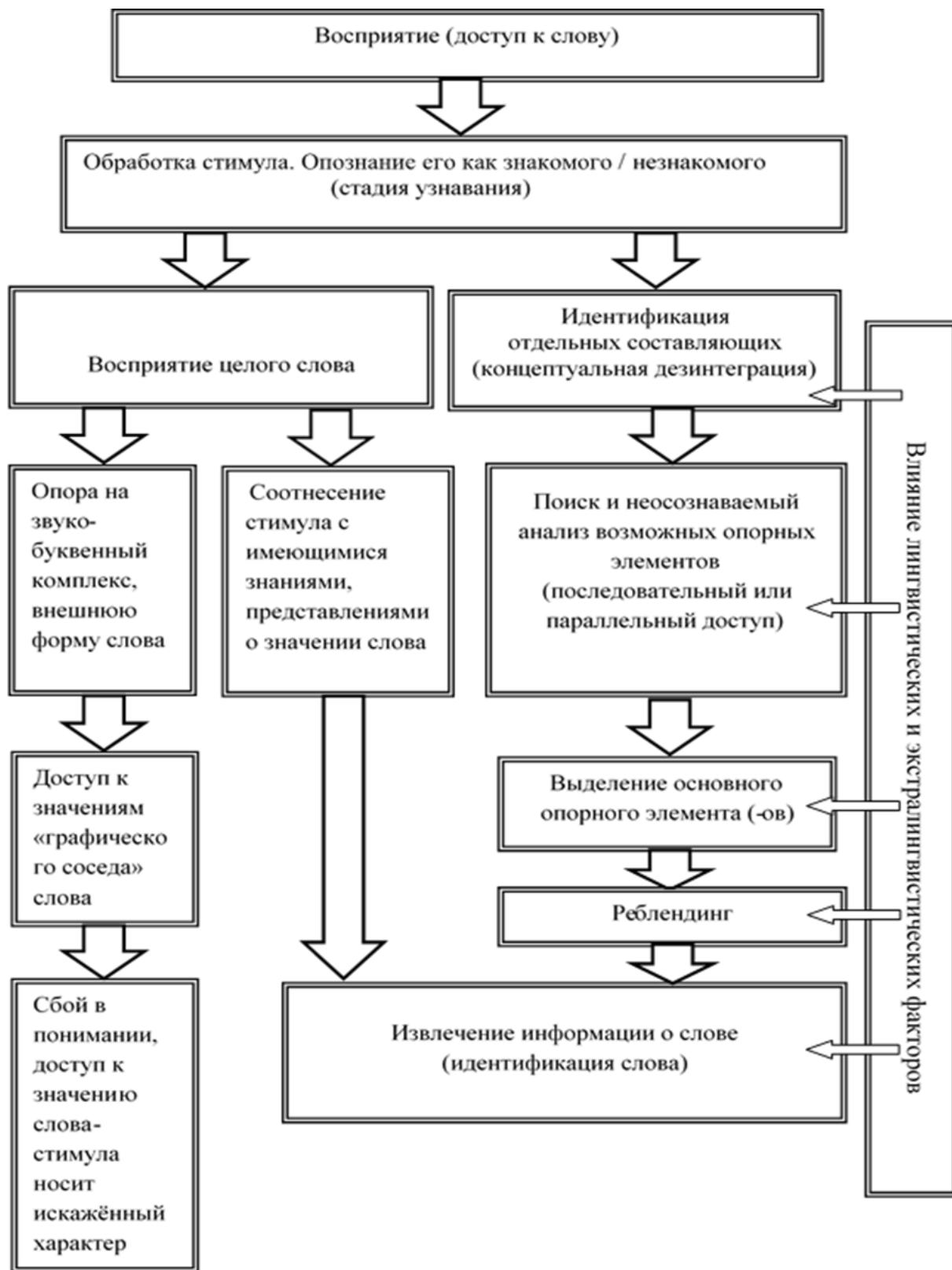

Рис. 3. Модель процесса идентификации контаминированного образования искусственными билингвами

Подписано в печать 21.10.2020. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100. Заказ № 305.
Отпечатано в ИП Леонова И.Н. Печатный центр «Флеш Принт»
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 6, к. 1, офис 322.
Т. 8 (952) 066-38-49.